

Алэн Акоб

**ЗАКИНУТЬ БОТИНКИ
НА ПРОВОДА**

18+

АЛЭН АКОБ

Закинуть ботинки на провода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72536776

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история взята из жизни молодого человека, который очень любит свою младшую сестру. Увы, этот рассказ болезненный, как в прямом так и в переносном смысле, со следами разочарования. Герой разочарован в родителях которые не сообщили ему о смерти сестры. Он ищет своё место в этой жизни, но память о сестре не даёт ему покоя.

АЛЭН АКОБ

Закинуть ботинки на провода

Закинуть ботинки на провода или возмездие в прощении

Я жил на грани безумия,
желая познать причины,
стучал в дверь.

Она открылась.

Я стучал изнутри!

Джалаледдин Руми

В доме у Курочкиных большая радость. На свет появился второй ребёнок, девочка. Назвали её Сарой, в честь бабушки, по материнской линии. Борис, отец семейства, который день вне себя от счастья, сначала запил с друзьями на радостях, потом очнувшись после ресторана, прибежал домой в час ночи и начал мыть полы, окна, унитаза даже залез под кухонный шкаф, выгребая оттуда засохшие сушки, кусочек почерневшего болгарского перца и пару горошин. Весь мусор он выбросил, кроме гороха. Держа горошины на ладони, перекатывая их, между мозолями, он вспомнил Принцессу на горошине Андерсена и сладко заулыбался, чему-то своему, детскому. Одним словом отец семейства готовился к по-

полнению. Уставшую после родов мать и ребёнка задержали на неделю под присмотром врачей, девочка родилась с желтоватым оттенком кожи. Пожилой врач, с короткой посеребрённой сединой в бородке, успокоил родителей, сказав, что такое часто встречается, нет повода для беспокойства. Надо подождать и желтуха сама пройдёт.

– Мама Сара спит?

– Сынок как у тебя дела в школе?

– Мама можно я пойду посмотрю на неё

– Она спит сына, она ещё совсем маленькая, ты бы лучше за уроки сел.

– Знаешь мама она вчера меня за палец держала и улыбнулась, она меня узнаёт.

Старые люди говорят, если ночью шипит кот, значит он видит духов. В ту ночь Глеб так и не заснул. Он встал с кровати, подошёл к окну, посмотрел на стекло с белым пятном посередине, от влетевшего в него дрозда. Вчера утром, по дороге в школу, он нашёл разбитую птицу под окном, с неестественно вывернутой головой, лапками вверх. Птицу он зарыл, на том же месте где её нашёл. Возвращаясь со школы, обратил внимание, на разрытую могилку дрозда.

Глеб открыл окно, свежий воздух полоснул по лицу суровой прохладой. Над головой небо без звёзд, только редкие огни большого города неестественно горят жёлтым светом. Где-то цвела акация от которой в ночной прохладе шёл густой слегка дурмящий запах. Он закрыл окно, прошёлся

пару раз по комнате, пошёл на кухню, выпил стакан кипячённой воды, взял ведро с мусором, вышел в подъезд в направлении мусорного бака. Около мусорки сидел дворовый кот Барсик с дохлым скворцом в зубах. Глеб позвал его:

– Барсик, Барсик иди ко мне. – Кот опустил скворца на землю и зашипел как самовар.

В детстве на Глеба иногда нападала грусть. Невыносимая меланхолия в десять лет, он ещё не совсем осознавал это странное чувство. Временами, особенно по вечерам, он с нездоровым интересом, вспоминал казалось бы на первый взгляд смешное.

День рождения отца, пьяный дядя Вася с пучком петрушки в руке говорит долгий замысловатый тост, переходящий в белиберду, его никто слушает, и от это он возбуждается, почти кричит. Рядом сидит его жена, тётя Люба с пухлыми словно у матрёшки губами, поминутно одёргивая мужа за рукав пиджака, говорит ему улыбаясь:

– Вася, сядь не позорься, сядь Вася, а он одёргивает руку и продолжает как полоумный. Рядом с отцом его почти не видно, маленький толстячок, робкий по натуре. Он словно чувствовал свою ничтожность и каждый раз, когда напивался вдрызг, пытался свою закомплексованность скомпенсировать за счёт речи, чтобы кто-то обратил на него внимание. Но сидящим за столом не до него, они беседуют между собой, изредка кидая косые взгляды в его сторону, посмеиваясь.

Подвыпившие гости время от времени выходят в подъезд

покурить. Иногда они забывали потушить бычки от сигарет и те тлели на полу в темноте красным огоньком, словно кто-то рассыпал редкие звёзды на ночном небосводе. Глеб вышел из квартиры, и стал осматривать пол на лестничной площадке в поисках окурка, как услышал приглушённый шёпот сверху. Между их четверым и пятым этажом, у окна, отец задрал юбку тёти Любы, вонзив свои загорелые пальцы в белые бёдра, о чём то страстно её просил, пытаясь поцеловать в губы. Она вяло отталкивала его и называла пьяным дураком. Вспоминая всё это, грусть переходила в щемящую тоску, обжигая не совсем понятной реальностью мозг.

Под утро появились уставшие родители с Сарой. Оба подавлены и неразговорчивые. Сара сидит на диване, отчуждённо смотрит на пол, перебирая восковыми пальчиками рукав жакета. Глеб взял её за руку, поцеловал макушку и отвёл в спальню, помог раздеться, уложил спать.

– Ну, что сказали врачи – хмуро спросил он отца и мать выходя из детской?

– Да ну его – отмахнулся рукой отец. – Я и то наверное больше понимаю – нервно прикуривая от вспыхнувшей спички сигаретку. У отца широкое, немного скуластое лицо, заводского трудяги, руки в мозолях.

– Наследственность, медицина здесь бессильна – понуро мотая головой.

– Сходи-ка жена на кухню, принеси водочки, может полегчает – мать покорно идёт к холодильнику, возвращаясь с

бутылкой и тремя продолговатыми стаканчиками специально для водки. Отец наливает себе потом матери, пьёт приглашая рукой меня присоединиться.

– Ну, что-то Борис – негромко возмущается мать – ему же в школу ещё идти.

– Да какая там школа, десятый класс, пора об армии думать.

В такие моменты жизни, когда он начинает переживает за дочь, на его суровое лицо любящего отца ложится тень безысходности. Он конечно держится молодцом, стараясь всем своим видом или редкими шуточками нас поддержать, чтобы мы не падали духом, но мы с матерью понимаем как ему тяжело, и поневоле становимся соучастниками его игры, лишь бы он не унывал. Всем нам тяжело, очень плохо, у каждого из нас по-своему разрывается сердце, мы знаем, что Сара никогда больше не заговорит и с каждым годом нейроны её мозга будут разрушаться от неизлечимой болезни. Иногда в жизни бывают моменты когда хочется уйти, всё бросить, да уйти, нет нет, не от людей, Боже упаси от близких, а от самого себя. Очень хочется, да некуда. А может у меня нет души, там в груди, между лёгкими, грудной клеткой где она живёт, пустота. Залить бы её слезами, как в детстве, а там дыра, да и плакать нельзя, я теперь взрослый, пример для сестры. Может маму попросить, чтобы сказку рассказала перед сном, страшную страшную, заснуть и проснуться поняв, что это сказка, а не явь, а нет, моя действительность стала

хуже той самой страшной сказки из детства. Я сплю и просыпаюсь в этой страшной сказке, а ведь у меня нет ничего лишнего, кроме моей жизни.

Глеб шёл по улице не обращая внимания на прохожих, иногда он задевал их плечом и они шарахались в сторону с удивлением смотря ему в след, не решаясь отреагировать, как положено в таких случаях. Он понимал, что с ним что-то произошло, он больше никогда не будет таким как раньше. Чувствовал себя всеми забытым странником и шёл словно мотылёк на свет в дали.

В то лето Глеб расстался с Сарой, девушкой с которой случайно познакомился у друзей после очередной попойки. Он так и не понял до конца, что ему больше нравилось в ней, имя или она сама. Роман длился каких-то жалких три месяца, достаточно, чтобы Сара поняла, что спит с человеком у которого холодное словно лёд сердце, как в постели так и по жизни.

Светом вдали оказался местный шалман. Глеб криво усмехнулся вошёл внутрь. Ему налили кружку пива, он пошёл в самый конец заведения, подальше от завсегдатаев и зевак, прикурил сигарету, сделал глоток освежающего напитка. В бар вошла молодая женщина, в серой кожаной курточке и брюках-палаццо. Она заказала стаканчик мохито, окинула взглядом присутствующих и прошла в самый конец зала к Глебу.

– Я вас не побеспокою – показывая карими глазами на

стул перед Глебом

– Мы знакомы – спросил Глеб с интересом рассматривая даму

– Вряд ли

– За, что такая честь?

– А может вы мне симпатичны

– Ага, ну тогда садитесь, только я сразу предупреждаю, финансовое состояние у меня никудышное, полностью погряз в долгах, богатый дядюшка в Майями жив и здоров. Девушка рассмеялась грудным смехом и села с бокалом мохито в руках напротив. Глеб с нескрываемым интересом стал рассматривать её. Коротко остриженные волосы, приятные черты лица с взглядом не лишённым наглости, тонкие губы, руки в полинезийских татуировках.

– Вы меня с таким нескрываемым интересом рассматриваете, можно подумать, что я сошла с картины Вермеера.

– Ну на девушку с жемчужиной Вы конечно не тянете, но нужно отдать должное, вы симпатичная особа. Жаль только, что я никогда не узнаю, что вас привело в эту забегаловку?

– Ну почему же. Кто его знает, может и расскажу!

– Ах да, и на проститутку вы тоже не похожи

– Дурак – сказала девица и надулась. – Меня звать Юля и я замужем за – тут она замолчала и многозначительно посмотрела на Глеба, хлебнув со звуком мохито, поморщившись от алкоголя, проронила – а впрочем это неважно.

Номер в гостинице, пах сыростью и моечным средством.

Тяжелые жаккардовые занавески до пола, две кровати, нечто напоминающее журнальный столик, с бутылкой виски, коньяк и рядом нарезанный тонкими дольками лимон на продолговатой тарелочке. Глеб лежал под одеялом и ждал пока Юля выйдет из душа. Вскоре она появилась в белом гостиничном халате, села на стул и разглядывая лак на ногтях спросила:

– Ты не хочешь сходить в душ? – Глеб открыл рот, чтобы съязвить в ответ, но подходящей язвы на языке не оказалось и он покорно пошёл в ванную. Весёлые струйки тёплой воды стекали по телу образуя мыльную лужицу с мелкими пузырями. В голове туман от выпитого, грустная писька повесившая головку с которой стекает вода.

Когда он вошёл в комнату, Юля уже лежала под одеялом с закрытыми глазами. Свет от ночной лампы на столике тускло освещал её тонкие черты лица. Осторожно, чтобы не будить, он залез в постель, повернулся к ней спиной, положил ладошку под щеку.

– Я не поняла, мы что сюда спать пришли? – с неудовольствием спросила она?

Наутро Глеб проснулся с треснувшей губой и исцарапанной спиной. Рядом никого не было. Он быстро вскочил с постели, запрыгнул в брюки и только начал натягивать носки на ступню, как открылась дверь ванной и оттуда вывалилась одетая Юля с помадой в руке. Она исподлобья посмотрела на его обнажённый торс и нагловатым тоном спросила

– Я вижу ты неплохо выспался, мон ами. Ты в курсе вообще, что миллионы женщин в мире жертвы от ночного бессонья без насилия.

Глеб подошёл к ней, взял за руку и развязно опрокинул на постель. Разорвал колготки на промежности. Юля просто ахнула от удовольствия.

Когда он выходил не попрощавшись от неё, уже в дверях, она спросила:

– Если я забеременею как назвать ребёнка? Курочкин остановился на минуту, не оборачиваясь сказал:

– Если родится девочка, назови её Сарой, немного подумав, а впрочем забудь, я ничего не говорил.

– Слушай, как тебя там, давай я тебе заплачу, сколько ты хочешь, говори не стесняйся

– Да пошла ты! А впрочем, остался недопитый коньяк, можно я возьму его с собой?

– Бери – небрежно бросила девица, номер заплачен

Во дворе, под липой одиноко стоял дорогой лимузин облепленный опавшими листьями, на котором они вчера вместе подъехали к гостинице. Глеб с пренебрежением посмотрел на него, допил с горла коньяк и бросил пустую бутылку под машину, которая с хрустом разбилась.

Дома, лёжа на диване, когда начала отходить алкогольная анестезия, с бьющимся в висках пульсом, он пожалеет об этой встрече и попытается забыть о ней навсегда.

В подсобке столярной мастерской, напоминающий дур-

дом, бухали пять мужиков. На импровизированном из осиновых досок столе стояли три бутылки водки Дрова, пузатая бутылъ самогона содержимое которой отдавало подозрительной бирюзой, даже в полумраке теплушки. Из закусок – огурцы солёные, три корочки бородинского хлеба, колбаса золушка-металлист, шпротный паштет и ржавые от паприки чипсы. Из-за отсутствия женского пола за столом, тёплых закусок в наличии не оказалось. Тем не менее у пяти богатырей сидящих вокруг снести, не отсутствовал интеллигентный вид хоть и одеты они были в тёмные халаты, где на грудном кармане красовалась вышитая надпись фирмы – Столярная чурка-деревяшка. Вид они имели бравый, разгорячённые горячительными напитками, вяло спорили на самые разные темы. Особенно выделялся среди них столяр по имени Глеб Курочкин. Пропустив внутрь содержимое гранённого стакана, он звонко крикнул, занюхал корочку душистого хлеба, обильно посыпанную солью и сделал знак ладонью остальным, последовать его примеру.

– Самогон не текила, чтобы её солью закусывать

– Да пошёл ты, умник нашёлся

– Человек есть, то чем он занимается – утверждал Хайдеггер. А что мы тут щас делаем? Праильно, громко икнув, пьянствуем, господа, причём самым безобразным образом. Глушим самогон гранёнными стаканами – брезгливо поглядывая на остатки голубой жидкости в стакане.

– *In vino veritas* – истина в вине говорили древние греки.

– А вот и нет мой дорогой учитель пения – заметил ему
Курочкин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.